

исследовательское внимание А. И. Доватура было лишено возможности охватить и это поле. Думается, что та «расплывчатость» понятия «софистика», на которую указывает А. И. Доватур, зависит от искусственности и самого термина и понятия.

Однако исследование А. И. Доватура в высокой степени содействует дальнейшей работе над политической теорией V в. Выше уже были отмечены некоторые ценнейшие наблюдения А. И. Доватура над элементами политической теории демократии у Геродота, число которых можно было бы значительно умножить.

Завершающая V глава исследования «Стиль новеллы у Геродота» с предельной убедительностью показывает характер авторской работы Геродота, который выступает именно как историк, обрабатывающий свои первоисточники — новеллы. «Направляющей линией в истории Геродота в том виде, в каком мы читаем ее сейчас, — говорит А. И. Доватур, — является исследовательский интерес» (стр. 151), и автор доказывает это, мастерски воспроизводя перед читателем процесс пронизывания Геродотом богатейшей и пестрой массы новелл парантезами, учеными комментариями. Не нагромождение занимательных рассказов увлекает Геродота, но провозглашение ряда политических и этических идей о *φθνός θεῶν*, о предопределенности судеб человечества, или, напротив, о мощи человеческой воли и др. Проблему выяснения мировоззрения Геродота А. И. Доватур перед собой не ставил. Но его превосходное, высокоэрудированное исследование открывает новые пути к изучению любой стороны труда Геродота.

А. Бергер

КСЕНОФОНТ ЭФЕССКИЙ, *Повесть о Габрокоме и Антии*, перевод с древнегреческого С. Поляковой и И. Феленковской, ГИХЛ, М., 1956, 78 стр.

С выходом в свет перевода романа Ксенофонта Эфесского читатели получили русские переводы всех дошедших до нас греческих романов¹. Правда, три из них вышли уже более 20 лет назад и являются в настоящее время библиографической редкостью. А между тем, этот жанр античной литературы заслуживает большого внимания современного читателя и исследователя.

Перевод снабжен предисловием и краткими примечаниями, поясняющими встречающиеся названия местностей, имена богов, упоминания о древних обычаях и т. п. и комментирующими некоторые неясности в тексте.

Об авторе романа, Ксенофонте Эфесском, нам ничего не известно, и некоторые выводы можно сделать только на основании изучения текста романа. Последний позволяет установить приблизительно время и место жизни писателя и дает представление о его воззрениях. С. Полякова присоединяется к мнению тех исследователей, которые называют Ксенофонта Эфесского уроженцем Эфеса и временем написания романа считают II в. н. э. Возражать против этого не приходится, роман, действительно, не дает материала для других заключений.

С. Полякова высказывает также ряд верных наблюдений над воззрениями Ксенофонта Эфесского и его социальными устремлениями. Утрата политической независимости Грецией была причиной коренных изменений в идеологии греческого гражданства. С этим связан отход граждан от участия в общественной деятельности, ограничение их интересов узкими рамками личной жизни, пессимизм и деморализация.

Автор предисловия справедливо считает, что «роман Ксенофонта утверждал для опустошенного и выбитого из колеи читателя наличие новых, доступных ему ценностей — самоотверженной любви, верной дружбы и, в известной мере, надежной религии» (стр. 8). Ксенофонт посвящает роман прославлению супружеской любви, основанной не

¹ Ахилл Татий Александрийский. *Левкиппа и Клитофонт*. Пер. А. Б. Д. Е. М., ред. Богаевского, М., 1925; Гелиодор. *Эфиопика*. Пер. А. Егунова, М.—Л., 1932; Лонг. *Дафнис и Хлоя*. Пер. С. П. Кондратьева, М.—Л., 1935; Харитон. *Повесть о любви Херея и Каллирои*. Пер. и комм. акад. И. И. Толстого, М.—Л., 1954.

на расчете, а на чувстве, что для того времени было смелым и необычным. Далее, в предисловии справедливо отмечено сочувствие Ксенофонта Эфесского к представителям низших классов и рабам, что можно поставить в связь с выдвинутой С. Поляковой гипотезой о происхождении самого автора из этих классов; однако приведенные в пользу этой гипотезы факты отсутствия в романе прямых цитат и скупого использования мифологии (стр. 6—7) могут быть и доказательством сокращения романа, а не только слабого образования автора.

Верно подмечена С. Поляковой господствующая в романе «неправдоподобная атмосфера всеобщей любви, поддержки и согласия», особенно господ и рабов. Представляется справедливой общая оценка романа, данная в предисловии, как социальной утопии. Однако при всей идеализации Ксенофонтом существующих классовых и семейных отношений нельзя не отметить, что в его романе дано верное отображение многих социальных проблем и противоречий того времени. Несмотря на кажущуюся оторванность романа от реальной жизни, она неумолимо врывается на его страницы, причем жизнь показана в нем более глубоко, чем просто бытовыми деталями. Соответствуют действительности (и именно близкой ко II в. н. э.) и приниженное положение женщины-рабыни и пленницы, и обилие пиратов и разбойников, и борьба правительства с ними, и истязания рабов, и их тяжелый труд. Рисуя, как наказывал Габрокома глава пиратов Апсирт, автор пишет: «Зрелище было горестное: удары уродовали все тело, не привыкшее к рабским побоям» (II, 6). Этим самым Ксенофонт обмолвился, что рабы-то, значит, успевали «привыкнуть» к таким побоям. В другом месте он говорит о том, что Габрокому пришлось заняться трудом каменотеса в поисках средств к жизни. «И была для него эта работа тяжелой, так как не привыкло его тело подвергаться труду напряженному и жестокому» (V, 8). И он мысленно жаловался Анфии на то, что «занялся позорным ремеслом, и тело его в рабстве». «Позорность ремесла» — это характерное для свободного при рабовладельческом строем воззрение на труд как на деятельность рабскую, — тоже верно подмечено Ксенофонтом.

Нельзя, однако, согласиться с утверждением С. Поляковой, что, «рассказывая о своих главных героях, Ксенофонт полемизировал с популярным в его время тезисом стоической философии о непротавлении судьбе». С. Полякова аргументирует это утверждение ссылкой на завязку романа: в самом начале родители главных героев, придя в отчаяние при виде неизлечимой болезни детей, посылают за прорицанием и получают ответ, что их детей ожидает общая судьба, им предстоит страшные страдания, преследования пиратов, могила и огонь, исход же всех мук будет счастливым. Решение родителей соединить детей браком, а потом отправить их в путешествие С. Полякова считает активным сопротивлением року. Между тем, это свидетельствует как раз об обратном: прорицание дано общее, — и родители соединяют судьбы детей браком; прорицание сулит им беды и преследования пиратов, — и родители отправляют детей путешествовать (хотя, оставшись они в Эфесе, прорицание не могло бы осуществиться: в городе им не грозили бы ни кораблекрушение, ни пираты, ни костры), посылают их навстречу предсказанным опасностям, но не с целью им воспротивиться, а по принципу «чему быть, того не миновать». Следовательно, в этом факте надо видеть не проявление свободной воли персонажей романа, а ожидание исполнения прорицания, т. е. здесь не полемика со стоическими принципами, а полное согласие с ними.

Все остальное поведение героев, особенно Габрокома (Анфия наделена более активным характером), тоже свидетельствует об их пассивном непротавлении. Например, Габроком, оклеветанный влюбленной в него Манто, и не пытается показать написанное ею письмо Апсирту, хотя оно полностью обелило бы его, а покорно терпит все истязания; он же, представ перед судом архонта Египта (тоже в результате клеветы), даже не пробует оправдаться, но безропотно дважды идет на казнь, только случайно дважды же не осуществленную. Неоднократно он высказывает совершенно стоическую мысль: дух человека свободен, мучители имеют власть только над его телом (II, 4). Это так близко совпадает с мыслью Сенеки («Только тело подчинено и принадлежит господину, дух же — сам себе господин» — *De beneficiis*, III, 20, 1), что можно думать о прямом заимствовании этого места у Сенеки. Анфия тоже кротко в боль-

шинстве случаев идет на унижения, а ненавистному ей браку не сопротивляется и освобождается от него лишь принятием яда, т. е. смертью (правда, оказавшейся мнимой).

Далее, нельзя согласиться с тем, что действие романа «разыгрывается в пустом с реально-бытовой точки зрения пространстве», где ничто, кроме географических названий, «не связывает рисуемый им (Ксенофонт. — Г. К.) фон с действительностью». Ведь безусловно отражают действительность и описание фактов общения с выходцами из чужих стран — с иноземцами — с Сирией и Индией, и некоторые бытовые детали, например, погребальные и свадебные обряды, жертвоприношение у разбойников, способы казней. Отражены также реальные факты, позволяющие уточнить датировку романа, как, например, процветание Эфеса и знаменитого храма Артемиды Эфесской, существование должностей архонта Египта и ириарха Киликии.

Художественный метод и стиль Ксенофонта Эфесского освещены в предисловии метко и верно, жаль, что малые размеры предисловия не позволили автору высказать свои соображения по поводу композиции и системы образов романа.

Сам перевод романа заслуживает большой похвалы. Греческий подлинник передан с большой точностью, удачно воспроизведены и наивный сказочный стиль, и риторические прикрасы. Роман читается легко и увлекательно. Остается только пожалеть, что такое интересное произведение издано малым тиражом (30 000) и оформлено серо и бедно. Но как бы то ни было, советский читатель с интересом и пользой познакомится с новым для него произведением поздней античной литературы.

Г. Г. Козлова

«АККАДСКИЙ ЯЗЫК»,

вып. I—II, 1957, Ленинград, составитель Л. А. Липин

«Аккадский (вавилонско-ассирийский) язык» Л. А. Липина, хрестоматия с таблицами знаков (выпуск I) и словарь (выпуск II) под редакцией крупнейшего ориенталиста акад. В. В. Струве является необходимым пособием для студентов-семитологов, которые изучают клинописные языки в разных центрах Советского Союза. Кафедра истории древнего Востока при Ленинградском университете им. А. А. Жданова ликвидировала существенный изъян, на который неоднократно указывалось.

В «Хрестоматию» включены важнейшие вавилонско-ассирийские письменные памятники: шестигранная призма Синаххериба (стр. 47—61), десятигранная призма Ашшур-банипала (стр. 65—101), «Письмо Саргона богу Ашшуру» (стр. 105—124), мелкие тексты (молитвы-песнопения о Нинурте, Иштаре, Мардуке и заклинания — стр. 145—149), Вавилонская хроника (стр. 150—155), царские надписи (Адад-нирари I — стр. 159—160; Ашшур-рим-нишешу — стр. 161, Салманасара I — стр. 161—162; строительная надпись Хаммурапи — стр. 163), законы Хаммурапи (стр. 167—202). В конце хрестоматии даны мелкие фрагменты: старовавилонские, ассирийские и нововавилонские; здесь же дается таблица знаков (сто простейших знаков для начинающих и полная таблица — стр. 9—41), сравнительная таблица ассирийского, старовавилонского и вавилонского курсива (стр. 127—141), упражнения для начинающих (стр. 42—44). Материал в словаре изложен по алфавитно-корневому принципу и придерживается финикийско-арамейско-еврейского азбучного порядка (см. об этом ниже), по мысли составителя, «так как словарь рассчитан, в первую очередь, на студентов младших курсов и корень слова может оказаться для них далеко не всегда ясным и прозрачным, мы в некоторых случаях приводим дважды одно и то же слово: один раз на его „законном“ месте — в алфавитно-корневом гнездовом порядке, а второй — в алфавитном, где вместо перевода дана ссылка на соответствующее место словаря по корню». В словаре выделены породы слов, времена глаголов, даются шумерские соответствия некоторых идеограмм, но, к сожалению, в большинстве случаев слова даны без указания текстов и соответствующих контекстов. В данном случае возникает вопрос, почему со-